

ИОСИФ РУХОВИЧ - поэт, прозаик. Член Союза писателей России, Международного Сообщества писательских союзов. Член Академии Российской литературы. Член редакционного совета независимого альманаха "Московский Парнас".

В последнее время участились дискуссии о положении науки и искусства в современном мире. Одна из животрепещущих тем – глобализация. И связанные с ней грядущая ноосфера и всеобщее оцифрование.

Древние математики, открывшие таинственный, влекущий и загадочный мир чисел, надо думать, были бы поражены современной дискуссией об оцифрованном человеке. Такая мистика им не снилась в самых божественных откровениях. Неужели пифагорейское учение о числе, направленное к человеку и открывающее его, пройдя многотысячелетнюю историю, собралось в обратный путь? Или просто, мы на этапе перехода от биосферы к ноосфере? И там уже будет такое царство разума, что отпадут все мелкие и крупные недоразумения. Жаль только жить в эту пору прекрасную... Как ни как, а топтать ещё, по подсчётам самых оптимистичных адептов, лет восемьдесят-полтораста.

Уверенность в будущем ноосферного человека, безусловно, радует. Но человечество в своей истории уже не раз мечтало об идеале и подкрепляло мечту очень солидными и убедительнейшими теориями. Человек религиозный, человек социалистический, человек нацистский... Правда, последнее вряд ли можно назвать человеком, но теории были. Как говорил у Булгакова Воланд: «...ваша теория и солидна, и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой».

Мне нравится учение Вернадского. Убедительная и очень красивая теория – а есть ли лучший критерий истинности? Верю, что ноосферное будущее человечества обязательно наступит. Но не сидеть же, сложа лапки, и не ждать же! Как-то надо жить, как говорили римляне, *hic et nunc* – здесь и сейчас. Ох, в какое сложное время мы живём! Как бы хотелось чего-нибудь попроще. Но нынче несвятая простота спускается разве что на цифровые всякими сетями человека, а таких уже 92% (оценка А. А. Яшина). Остальным 8% приходится думать и сжиматься сердцем в тревоге не только за отдалённое будущее.

В данной статье хотелось бы поразмышлять о литературных аспектах происходящих процессов. Оставив в стороне экономические, политические, религиозные и другие социальные стороны глобализации, в том числе и принудительное оцифрование, попробуем представить, что принесло и несёт эта почти неуправляемая стихия русскому языку и литературе. Остальной мир, понятно, тоже не в стороне, но меня, прежде всего, волнуют судьбы моей родной культуры.

Единое человечество – единый язык. И мы уже с вами догадываемся о каком именно идёт речь.

Интересно, что в начале социалистической идеи вопрос о едином языке возникал, но понимался как искусственный, сконструированный лучшими полиглотами и лингвистами. В детстве я ещё застал кружки эсперанто и даже переписывался. Эсперанто и другие, более продвинутые модели, представлялись мне верхом совершенства, вообразивши всё лучшее из мировых языков, и, казалось, вот-вот завоюют мир. Не получилось. Более того, попытки эти напрочь забыты и вряд ли к ним когда-нибудь вернутся.

На дворе, крепко опираясь двумя ногами на землю, стоит со всеми своими достоинствами и недостатками совершенно естественный, никем не придуманный и не навязанный, английский. Как мощное средство, а в какой-то мере и цель, глобализация. Пока ещё в основном используется в межнациональном общении. Но тенденции очевидны и, ох, недалёко время... Так ирландцы, несмотря на сильные национальные настроения, упорно говорят на английском.

А в русской литературе всё чаще появляются обороты типа «Я буду обратно через полчаса». Или тоще почитать: «Мы взяли рейс на восемь тридцать». Согласитесь, рождённый в русском языке никогда так не скажет, но прочтя такое и не один раз, может быть так и заговорит. Или даже начнёт мыслить не по-русски?

А может быть ничего страшного? Не слишком ли сильно наказал Господь строителей Вавилонской башни? Сейчас на Земле бытует около шести тысяч языков и проблемы с пониманием явно существуют. А то – один на всех и никаких недоразумений. И оцифрование придёт значительно легче.

Почему же мы так отчаянно сопротивляемся любой языковой экспансии? Что бережём? Что так боимся потерять?

Я сказал «мы», объединяя народ. Но, увы, мы далеко неоднородны. И уже немалая часть интеллигенции, слабо связанной с родной культурой, с лёгкостью осваивает иной язык и родину не испытывая особой ностальгии. Как говорили те же римляне – *ibi patria, ubi bene* – отечество, там, где хорошо.

Но основная часть национальной интеллигенции упорно держится своего языка, своей культуры, своих обычаев – в общем, своего. И, чувствуется, не отдаст ни за какие материальные блага.

Почему? Почему рассматривает не как наказание, а как божий дар?

Понятно, язык формирует народ, его национальное мышление. Если бы не существовало проблемы перевода, если бы один язык легко укладывался в другой, то особой проблемы введе-

НА ПУТИ ОТ ЧЕЛОВЕКА

ния единого языка просто не было бы. И мыслили бы все одинаково. И литература была бы однородна. Однако проблема существует и адекватного перевода мы, по всей видимости, не дождемся никогда.

В чём же дело? Почему не задумываемся переводим стол – table, а вот пушкинское «Куда как весело! Вот вечер: выгоа воет...» перевести, наверное, так никогда и не удастся. Ну, как вы переведёте этот божественный звук «в», позволяющий буквально услышать и ощутить завывание родной зимы?

Ещё раз подчеркну: мы касаемся очень широких вопросов, даже целых наук. Но сейчас нас будут интересовать в основном литературные и языковые аспекты.

В любом языке, с той или иной развитостью, литературоведение и языковедение различает три составляющих с очень широкой амплитудой перепадов.

На первом месте, конечно же, естественный язык на котором и производится акт общечеловеческой коммуникации. Другими словами тот самый язык, на котором мы с вами говорим. Русский, английский, французский... И ещё несколько тысяч. И хотя естественный язык, живой и довольно быстро меняющийся, захватывающая тема, задерживаться не будем, интуитивно вроде бы ясно.

Второй – искусственный. То есть язык созданный человеком для обозначения неких явлений, понятий, построенный выделяемых его мышлением. Прежде всего, это язык науки с формулами, графиками, аксиомами, теоремами. Не будем останавливаться на нём, хотя тема не менее захватывающая. Отметим только, что языки науки всегда и явно стремятся к интернационализации и независимости от естественного. Влияние искусственного языка на человеческий менталитет огромно, но именно в связи с его интернациональностью рассматривать не будем.

И, наконец, самый таинственный и сложный, – вторичный, надстраивающийся над естественным и образующий множество смыслов, реализуемых при прочтении в меру знания этого языка. Это язык художественный, который может и должен непрерывно развиваться, а мы поспевать его учить.

Но как учить язык, существующий только в нашем воображении?

Прежде всего, каждому следует убедиться, что он существует. Ибо умеющий читать на естественном языке не испытывает особой недостаточности, так как содержание прочитанного более ни менее уясняет. Но содержание можно передать куда короче, чем это делают писатели. Как-то в интернете наткнулся на пересказ «Илиады» Гомера – что-то около странички. Так стоит ли читать утомительно-однообразные гекзаметры? И «Войну и мир» можно одолеть минут за пять-семь.

Но у прочитавшего оригинальное произведение никогда не возникает вопрос зачем он это сделал. Более того, он чувствует себя куда богаче, чем был. А вот тот, кто ознакомился с содержанием, такой вопрос себе вполне может задать – ну, и на кой чёрт мне все эти одиссеи с Илиадами? Разве что в разговоре блеснуть...

Особое значение приобретает вторичный язык в поэзии, с которой начинается литература, да, пожалуй, и всё искусство. В стихах приобретает значение каждое, даже самое незначительное слово и может перенести содержание стихотворения даже на противоположное. Недаром сказано – для прозы слово средство, для поэзии – цель. Поэзия – школа и лаборатория слова. И не прошедшие эту начальную и одновременно самую высшую школу вряд ли глубоко проникнут в художественный язык.

Попробуем привести пример. Е. Баратынский:

*Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша;
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!*

*И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под вейнем возвратных сновидений
Ты дремлешь: а оно*

Бессмысленно глядят, как утро встанет,
Без нужды не смея,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

Центром стихотворения безусловно является незначительное в обычной речи неопределённое местоимение «оно».

На примере стихотворения наглядно видно, что без вторичного языка не пойдёшь и первичный, то есть не прочтёшь и содержание стихотворения. В самом деле – что значит оно? Что оно? А ведь Баратынский применил все средства выделения этого слова в стихе. Оно и акцентированная рифма, и отделено от следующей строфы двойной паузой – концевой и межстрочной, и, поскольку в русском языке безудар-

ное о читается как а, приходится делать паузу и впереди – иначе а сольются. Кроме того, в нарушении синтаксического и смыслового единства строчек всего стихотворения, здесь предложение ломается и переносится даже на следующую строчку, а в следующую строфу.

Так что же это за оно? Придётся внимательно перечитать и может быть не один раз. И откроется.

Поскольку в предыдущей строфе противопоставлены душа и тело, а тело среднего рода, то очевидно, что оно это тело. Но местоимение отстоит от существительного почти на пять строк и за это время отстраняется и начинает жить уже самостоятельно, вбирая в себя множество значений. Противопоставленное обращением «ты» к душе, оно приобретает и пренебрежительный и отстранённый характер, почему и затрудняет мгновенное понимание. Становится понятием и трагический разрыв между плотью и духом, так характерный для нашей поэзии, и бессмысленность жизни тела после смерти души уже свершившей свой подвиг в подлунном мире, то есть прожившей земную жизнь.

Позволим себе ещё один пример. Поэма Лермонтова «Мцыри». Считается, и совершенно справедливо, что если стихи можно пересказать прозой, то это не поэзия. Эпический характер поэмы, казалось бы, позволяет пересказ. Но никакого удовлетворения не доставляет. Что-то там, в стихах, очень важное остаётся непередаваемым на язык прозы.

*Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись будто две сестры,
Струи Арагвы и Курь,
Был монастырь. Из-за горы
И ныне видит пешеход...*

В первых четырёх стихах соблюдается чёткий ритм, совпадающий с метром, с ударением на каждом слове, кроме пирихия во втором стихе. Не вдаваясь в подробности давно угасшей дискуссии о взаимоотношениях обозначаемого с обозначающим, скажем, что задача поэта убедить читателя в их полном единстве в данном тексте. И Лермонтов двумя ударениями в «сливаясь» достигает полного слияния (извините за тавтологию), слова с его смыслом.

В первых трёх стихах нет резких звуков, течение пока плавное. Но вот они слились и врывается звук «зР» – рёв слияния слышится явственно.

А вот пример иного характера – перевод с английского на русский.

Знаменитая поэма Эдгара По «Ворон» переводилась множеством русских поэтов и переводчиков. Рефрен «Quoth the Raven «Nevermore.»» обычно переводился как «Каркнул (крикнул, молвил) Ворон: «Никогда». Но вот М. Зенкевич захотел услышать в прокаркнутом слове именно наказание. Не найдя русского аналога оставил оригинал: «Каркнул Ворон «Nevermore!» Порази-тельно, что переводчик рассчитал на русское прочтение – неверно, в котором хриплый голос птицы слышится явственно. Но англоязычные не слышат как неведомо и никакого карканья не слышат. Вот так «Nevermore» немедленно обрусело.

Оставим читателю прочтение стихов. Художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя и смысл стихотворения всегда индивидуален. И читателю совсем необязательно вдаваться в тонкости литературоведения. Развитый читатель поймёт и выделение, и акцентирование, и самые глубокие чувства и мысли. И испытает ни с чем несравнимое наслаждение.

Нам сейчас важно понять, что вторичный язык существует и составляет основу национального мышления и речи. Я совершенно не представляю, как можно перевести Е. Баратынского, скажем, на английский, вообще не знаящего родо-

Чтобы понимать язык его надо знать. Как же быть с художественным? Выучить его нельзя, но понимать можно. Для обычного читателя – если таковой бывает; чтение всегда индивидуально, а значит и уникально, – этот путь познания начинается от «Мойдыра», «Дяди Стёпы», Агнии Барто и, постепенно усложняясь, продолжается всю жизнь. Тот, кто заразился чтением – лучше в детстве, но не поздно никогда, – любовью к нему компенсирует многие незнания. Кстати, большинство в той или иной мере обращаются к критике и литературоведению хотя бы на уровне предисловий и послесловий, расширяя своё понимание. И, как сказал кто-то из великих, находят в литературе друзей в пространстве и времени.

Однако с художественным языком не всё так просто. Соавторство читателя делает его трудноуловимым. Каждый понимает по своему и, естественно, высказывается на том или ином уровне – на кухне или в журнале «Вопросы литературы». Иногда различение даже высочайших читателей столь огромно, что даже как-то и не верится.

Приведу пример довольно

резких мнений, высказанных такими корифеями как Владимир Набоков («Лекция по русской литературе») и Иосиф Бродский («Катастрофы в воздухе»). И тот и другой касаются таких, казалось бы, незыблемых авторитетов как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

Толстым В. Набоков восхищён. Изысканной метафорой с внезапным раскрытием штор и ярким солнечным освещением аудитория, Лев Николаевич буквально становится светочем русской и мировой литературы, с чем трудно не согласиться.

А вот Фёдор Михайлович... Набоков решительно требует считать романы Достоевского детективами, иначе он с нами и разговаривать не хочет. И в дальнейшем всемирно известный и признанный Достоевский предстаёт не слишком умелым с мрачным христианством и какой-то неудобоваримой философией. Вот вам и художественный язык, который в таком разборе уходит куда-то за пределы произведения. Я даже кинулся перечитывать «Бесы» – неужели так ошибался? Но через пару страниц отлегло – необыкновенная проза захватила вновь.

Не будем спорить с литературоведом Набоковым, но будем с его мнением считаться – всё-таки, прежде всего, Владимир Владимирович большой и оригинальный писатель, классик двух литератур – русской и английской, и после его лекций мы глубже поймём его собственную прозу. Остановимся только на одном моменте его построения.

Мне кажется, что В. Набоков ошибочно принимает литературный приём за литературный жанр. В детективе главное всё-таки расследование, которое у Достоевского присутствует фактически формально. Ну, какое расследование ведёт Порфирий Петрович? Он даже и не пытается доказать, что Раскольников убийца. Нет, Порфирий Петрович скорее не следователь, а мудрец, философ, помогающий Раскольнику встать на путь очистительных страданий.

Даже в наиболее «детективном» романе «Братья Карамазовы», в котором убийца обнаруживается в самом конце, вдруг оказывается, что вся эта фабула лишь антураж, а главное всё же – очищение через страдание. Набокову мешает острота фабулы, но в тех же лекциях он говорит, что настоящее чтение перечитывание. Очень точная и мудрая мысль. А романы Достоевского хочется перечитывать, даже хорошо зная чем всё кончится. Вряд ли вы ещё раз возьмёте в руки детектив, с первых строк зная убийцу.

В. Б. Шкловский отмечал, что литература есть сумма приёмов. И путать жанр с приёмом довольно опасно. Так можно объявить «Золотой осёл» Апулея, «Гамлет» Шекспира, «Фауст» Гёте фантастикой или даже фантазмом. Представляете, вы покупаете «Мастер и Маргарита» в серии «Сто лучших фантастов мира!» Каково будет ваше читательское ожидание? И так ли вы прочтёте книгу?

Но мы отвлеклись. Итак, по Набокову Толстой это хорошо, а Достоевский...

Иосиф Бродский совершенно противоположного мнения. Его не устраивает реализм Толстого как ведущий литературу явно не в том направлении, которое видится Бродскому. И очень сожалеет, что русская и советская литература следует в основном за Толстым: «Она пошла вниз по извилистой истоптанной тропе миметического письма и через несколько ступеней – через Чехова, Короленко, Куприна, Бунина, Горького, Леонида Андреева, Гладкова – скатилась в яму социалистического реализма».

А вот по трудному пути бездонного языка Достоевского, считает Бродский, пошёл разве что один Андрей Платонов. Я с юности восхищён и «Котлованом», и «Чевенгуром», и «Рекой Потуданью», но никогда в голову не при-

ходило противопоставлять Платонова Чехову и Бунину. Они разные, но все гениальные. Опять-таки не следует судить один жанр с точки зрения другого. Автор сам устанавливает правила своего произведения. Воля ваша принимать их или нет, но отрицать?

Но мы опять отвлеклись. Да можно ли не отвлекаться, говоря о любимом предмете, составляющим значительную часть человеческой жизни!

Итак, я попытался доказать то, что давно и хорошо всем известно – художественный язык существует, хотя воспринимается, как мы видим очень по-разному. И что он глубоко национален, так как развивается на естественном языке народа, создавшего собственную литературу. Обратным ходом вторичный язык возвращается в естественный, меняя и обогащая и наше мышление, и лексику, и нашу речь. И это происходит не только при чтении родных книг, но и зарубежной литературы в переводе или оригинале. Постоянное сравнение с национальным опытом значительно расширяет и обогащает собственный язык – как естественный, так и вторичный. Другими словами знание иностранных языков и литературы

ещё никому не повредило.

Но как быть с разочтением? Дело усугубляется ещё и тем, что все писатели пишут по-разному, если не считать эпигонов и графоманов. Критикам ужасно хочется всё многообразное привести к какому-то знаменателю и выделить что-то общее, позволяющее сопоставлять и сводить к методу. И вдруг совершенно обоснованно оказывается, что в те или иные времена господствовали классицизм, романтизм, реализм, критический реализм и так далее сменяя друг друга. А в настоящее время нет-нет, да и призывают к новому критическому реализму, на смену социалистическому. Трудно не согласиться. Я даже никаких альтернатив в настоящее, очень противоречивое, время просто не вижу.

Но одно дело критик, пишущий по уже написанному, а другое – писатель перед чистым листом.

Безусловно, писатель должен глубоко разбираться в процессах, происходящих в литературе и жизни и уж конечно знать и понимать методы писаний, их историзм и насущные требования времени. Но писать должен только то, что хочет и как может, то, что его глубоко волнует и как он ощущает тлеющую собственную душу о время. А что получится... Тут уж будет рассуждать читатель и критики. И если писатель в наше время написал от души, то я уверен, с удивлением или без обнаружит, что писал именно методом критического реализма, который до написания должен был хорошо понимать. И писания его будут исключительно национальны, на том самом вторичном языке, свойственном его литературе. Всё это он должен знать, но заранее задаваться методом, стилем, никаким не может. Что уж полумчаться... Более того, написанное должно быть неожиданно не только для читателя, но и для него самого.

Свидетельством сказанному является выкрикивания, переделки, переписывания, а то и неоднократные.

Блез Паскаль хорошо сказал: «Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать». И Пушкин в конце своего бессмертного романа признавался: «И душа свободного романа / Я сквозь мангальский кристалл / Ещё неясно различал».

Тут читателю следует разобраться с каким писателем и с каким произведением он имеет дело, иначе художественный язык может быть неравномерно воспринят. Разговор идёт о профессионализме. Не в том смысле профессионал или любитель перед ним, это-то как раз определить не слишком сложно – достаточно прочесть несколько страниц. Речь о самых серьёзных писателях.

Слово «профессионал» звучит солидно и симпатично. То есть автор знает своё дело и ему можно доверять. Но в искусстве не всё так просто.

Первое определение профессионализма я получил весьма комичное, но характерное для тех времён. В самом начале девяностых в Москве (я тогда жил на Украине, в Донецке) были опубликованы мои стихи. Для провинции это событие, и один член Союза советских писателей откликнулся местной достаточно благожелательной заметкой, но которая начиналась так: «В то время, когда даже нам, профессионалам, редко удаётся опубликовать хотя бы несколько строчек...». Я кинулся к телефону: «Ты что же, не считаешь меня профессионалом?». И получил чеканный ответ: «Но ты же за это деньги не получаешь!». Сегодня, когда большинство серьёзных писателей не только не получают, но ещё и выкладывают свои, по данному определению профессионалов будет довольно трудно отыскать.

Но если говорить серьёзно следует различать профессионалов и художников, весьма ответственно относящихся к своему труду. В чём разли-

ца? Профессионал знает что надо писать и как надо писать. А вот художник не то чтобы совсем не знает, но сильно сомневается и «даль свободного романа» ему видится в довольно «мутном сне». Тема эта восходит к Белинскому, который ещё в 1845 году сетовал, что в русской литературе «больше гениев, нежели талантов», а таланты, читай профессионалы, «имеют большее влияние на толпу». Уверен, что литературе нужны и те другие, но различие всё-таки делать надо.

Мы сильно отвлеклись, но всё-таки основная мысль прослеживается – естественный и художественный языки – именно вкупе! – самым существенным образом определяют национальное мышление. Особенно важно осознать это нам, которым русский язык родной. В нашем народе литература, начиная с Ломоносова, а то и ранее, всегда занимала особое и очень значимое место, по большей мере определяя и менталитет, и политику, и даже экономику. Да что там говорить – революции делала!

Но занимает ли сейчас? Увы, интерес к чтению стремительно падает. Мы уже далеко не самая читающая страна мира.

Думается, что снижение объёма чтения современным человеком процесс естественный, и я совсем не призываю вернуться в советские времена. Появились многопрограммное телевидение, интернет, открытые границы – да мало ли чего. Но, по всей видимости, существует некоторый предел снижения чтения, ниже которого нельзя опускаться. Вначале было Слово, оно же остаётся и сейчас и на все времена. Без художественного слова упрощается и огрубляется речь, что мы уже наблюдаем особенно у молодёжи, и, конечно же, снижается мышление.

Но причём здесь глобализация? – спросите вы, вспомнил начало статьи. Думается связь здесь есть и может быть более глубокая, чем кажется на первый взгляд.

Нас, конечно, будет интересовать как глобализация касается России. Держа в уме политические и экономические стороны процесса, сосредоточимся на гуманитарных процессах ибо, по моему глобальному убеждению, именно искусство определяет процветание, а не экономика. Бытие, безусловно, определяет сознание, но прежде всё-таки сознание определяет бытие.

Для меня процесс осознания глобализации начался с одной передачи радиостанции «Свобода» в перестроечные годы, когда мы слушали уже без идеологического глушения. Я не поверил своим ушам, когда приятным и радостным баритоном Борис Парамонов во всеулышание заявил «Русская литература умерла!».

До этого заявления я привык слушать, даже через завывания глушило, «Свободу» как носителя свободного слова, никак не связанного с идеологией. Парамонов заставил задуматься и многое пересмотреть.

Здесь невозможно не коснуться политики, но что поделаешь, литература давно стала общественным явлением и она и её затрагивают все стороны человеческого общежития.

Противостояние Запада и России наблюдаем уже лет пятьсот и в основном в одностороннем порядке. Россия, во всяком случае, на Запад не напирала. Более того, так уж устроена Россия, таков её вековой менталитет, что вбирается всё лучшее, предлагаемое другими народами. При этом всё мгновенно становится русским. Да, русская литература началась несколько позже западной, но ей не привыкать и догонять и перегонять. И никогда серьёзная русская литература не подражала. Говоря о М. В. Ломоносове, первом нашем поэте, Н. В. Гоголь («В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность»), отмечая, что Ломоносов «вполыхах занял у соседней немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились...», но полагает: «изумительное всего то, что, заключив стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка...» и даже «изумительно то, что начинал этот язык явился господином и законодателем языка». Русского литературного.

Запад же не всегда, мягко говоря, адекватно воспринимает русскую культуру и русский народ. Почему? Ответ мне, мне кажется, не лежит в плоскости геополитического положения России, её просторах, неисчерпаемых ресурсах и тому подобное, хотя всё это имеет огромное значение, в том числе и для формирования менталитета. Не лежит он и в плоскости веры. Всё это повод. Прежде всего, Запад всегда ощущал – мы не такие как они. Причём это отличие настолько непонятно, что порой воспринимается как угрожающее. Конечно, Запад не однороден – французы не немцы и не англичане, а те в свою очередь не американцы, хотя их и породили. Однако различия между ними не носят необходимого характера – так, обряды, ритуалы, некоторые особенности ландшафта и так далее. В основном, несмотря на неизбежные противоречия, они друг друга понимают. А вот русских – не всегда. И виновата здесь культура или, если хотите, художественный язык и мышление народа.

Тема эта слишком сложна, обширна и противоречива, чтобы обсуждать в данной статье. Остановимся на